А. П. ЧЕХОВ

КАШТАНКА

КАРГОСИЗДАТ ГА 1939 ПЕТРОЗАВОДСК

А. П. ЧЕХОВ

КАШТАНКА

Переводил лувда
Ермолаев Л. С.

КАРЕЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗДАТЕЛЬСТВА
ПЕТРОЗАВОДСКА 1939 в.

I
ПАХА ПОВЕДЕНИЯ

Нуори, рускиэ койра — дворняжкан и мӳгракойран сега роду — омал турвал ӳлен ӓйял походия ребох, юоксендели иэллех и яриллех тротуаруа мӳӧте и беспокойно каччелих пуолех и тойзех. Харзазех хӓн азеттелих и, иткиэн, ностальдели се ӳхтӓ кӳльмӓнӳттӓ кӓбӓлиӓ, се тойста, старайччиудуен андуа ичел отчётан: куй тӓмӓ оллоу войнут случчиэксех, что хӓн ӳӧксӳй?

Хӓн ӳлен хӳвин муйсти, куй хӓн виэтти пӓйвӓн и куй, яльгимӓй, пуутгуй тӓл тундематтомал тротуарал.

Пäйвä заводийхес сийд, что хäнен изäндä, столяри Лука Александрыч, пани шуапкан пиäх, отти кайналох миттӳён-лиэнӧӳ пуухизен штуукан, киäритӳн рускиэх пайкках, и киргай:

— Каштанка, лäхтеммä!

Куултуо оман нимен, дворняжкан и мӳгräкойран сега роду лäхти верстакан ал, мис хäн магай стружкиэн пиäл, магиэсти венӳттих и лäхти изäннäл яльгех. Лука Александрычан заказчикат элеттих ӳлен лойттона, так-что, энне ку пиäстä ёгахизех хейс, столярил пиди äйя кердуа käӳвä трактиройх луиттамах омиэ вägилӧй закускал. Каштанка муйсти, что дорогал хäн веди иччиэ ӳлен пахойн. Хӳвäс миэлес, что хäндä отеттих гуляймах, хäн хӳпäхтели, ӳррäстелих хаукуннан ке хевос-рауда дороган вагонойл, юокси дворил и аели яллес койриэ. Столяри се и диэло каймайли хäндä нäвӧс, азеттелих и вихазести иäнди хäнен пиäл. Керран даже изäндä вихазена отти кулакках хäнен ревон корван, пуйсталди и саной харвазех:

— Чтоб... с-сиэ... тӧл... лӳӧ... зит, пахалане!

Заказчикойн луо олдуо, Лука Александрыч чӧккелих минуттазекси сизäрен луо и сиэ ёй и сӧй; сизäрес пäй хäн лäхти туттаван переплётчикан луо, переплётчикас трактирах, трактирас куоман луо и м. и. Ӳхтел санал саноен, конза Каштанка пууттуй тундематтомал тротуарал, ё лäхени илда и столяри оли хумалас, куй сапожникка. Хäн вийпутти käзил и, сӳвäх хенгäстеллен, буризи:

— Во гресех роди мя мати во утробе моей! Ох, риäхкäт, риäхкäт! Нӳгӧй вот мӳӧ пихуа мӳӧте астумма и фонаризих качомма, а куй куолемма – тулизес уавус паламах рубиэмма...

Либо хäн ласкийхес добродушнойх иänех, куч чуй ичен луо Каштанкан и саной хänел:

— Сиэ, Каштанка, олет насекомой существа и мууда ни мидä. Ихмизен риннал сиэ олет ӳксикай, куй плотникка столярин риннал...

Керран конза хäн койран ке ненга пагизи, керрас юрäхти музыка. Каштанка качахти ӳмбäри и нäги, что пихуа мӳӧте хäндä кохти тули полка солдаттуа.

Эй сувайен музыккуа, кудама растраивайччи хänел нервой, хäн рубей панеттелемахес синнетänне и улвомах.

Койран суурекси удивлениякси, столяри сен сиях, чтобы пöлläстӳö, рувета улвомах и хауккумах, левиэсти мухахти, ойендих фрунтах, и кайкил вийел сормел луади под козырек. Нäхтӳö, что изäндä эй киэллä, Каштанка виэ равиэмбах рубей улвомах и, иччиэ муйстаматта, ӳррäстих пойкки дорогас тойзел тротуарал.

Конза хäн тойбуй, музыкка ё эй сойттанут и полкуа эй оллут. Хäн юокси дорогас пойкки сих кохтах, кунне ятти изäннäн, но, мидä! столяриэ сиэ ё эй оллут. Хäн ӳррäстих эдех, сен яльгех туакси, виэ керран юокси дорогас пойкки, но столяри куй läби муас мäни... Каштанка рубей нюустелемах тротуаруа, надейччиудуен лöӳдиä изäндä хäнен яльгилöйн дуухуо мӳöте, но энне хäндä пройди миттӳне-лиэнöӳ пädемäтöй уузис резиноволöйс колошойс, и нӳгöй кай хиэнот дуухут сегойтуттих каучуковойн вонюаган ке, так что ни мидä эй суанут разбериэ.

Каштанка юоксендели иэллех и яриллех и эй лöӳдäнӳт изäндиä, а сил кескиэ рубей пименемäх. Ууличан молеммил пуолил вириттих фонарит, и талолойн иккуной озуттаувуттих тулет. Лангей крупной пушистой луми и се круасси валгиэкси мостовойн, хебозиэн селлät, извозчикойн шуапкат, и мидä пимиэммäкси тули илма, сидä валгиэммакси лиэттих предмиэтат. Каштанкас сийриччи, пейттäен хäнел кайкен нäхтäвäн и äхкиен хäндä яллойл, азеттелематта иэллех и яриллех пройиттих тундематтомат заказчикат. (Каштанка кайкен

человечестван ягой кахтех ӳлен неравнойх чуастих: изӓндих и заказчиккойх; ӳксиэӈ и тойзиэн вӓлил оли существенной эро: энзимӓзет имейттих права лӳӳзӓ хӓндӓ, а тойзиэ хӓн иче имейччи праван риухтуо кинчерӳксис). Заказчикат куннелиэнӧӳ кийрехтеттих и эй обращайтту хӓнех ни митӳттӓ вниманиюа.

Конза родих чийсто лимиэ, Каштанкал овладейттих отчаяния и вараво. Хӓн хӳӳчистих митӳт-

тä-лиэнöў под'ездуа васте и рубей абиэсти иткемäх. Таўзипäйвäне путешествия Лука Александрычан ке вäзўтти хандä, корват и кäбäлät ханен кўльметтих, и сен пиäл хан виэ оли ўлен äйял наллäс. Кайкес пäйвäс начўттиä ханел пууттуй вай какси кердуа: переплётчикан луо хан сöй вäхäзен клейстериэ да ўхтес трактирас прилавкан луо лöўди колбасан куоруон — вот и кай. Если ку хан олис ихмизенä, то наверно дуумайччис:

„Эй, ненга элиä эй суа! Пидäў амбуоксех!"

II

ТАИНСТВЕННОЙ ТУНДЕМАТОЙ

Но хӓн ни мидӓ эй дуумайннут и вай итки. Конза пехмиэ, пушистой луми когонах пейтти хӓнен селлӓн и пиӓн и хӓн вӓзӳннӓс пайнуй югиэх унех, керрас под'ездной верӓй шолкахти, вингахти и иски хӓндӓ боккуа васте. Хӓн хӳппӓй. Аватус уксес лӓхти миттӳне-лиэнӧӳ заказчикойн разрюадах куулуя ихмине. Сентӓх куй Каштанка вингахти и пууттуй хӓнел яллойн ал, то

хäн эй войнут олла качахтаматта. Хäн пайналдих Каштанкан луо и кӱзӱй:

— Койране, сиэ кус пäй олет? Миэ сиуда сататин? О, горяне, горяне... Ну, элä сууту, элä сууту... Виäрä олен.

Каштанка качахти тундематтомах лумузис лäби, кудамат олдих тартутту хäнен сильмäрипсилöйх, и нäги ичен иэс мадалазен и ямиэзен ихмизен, пухлакон брейтӱн рожан ке, цилиндрас и туркис, полат авойн.

— Мидä-бä сиэ вингут? — яткой хäн, пуйстаен сормел лумиэ хäнен селлäс. — Мис он сиун изäндä? Войби олла, что сиэ кавойт? Ах, горяне койране! Мидä-бä мӱö нӱгöй сиун ке рубиэмма руадамах?

Эллендäхӱö тундематтоман иäнес лäммäн, душевнойн ноттазен, Каштанка нуолалди хäнел кäттä и рубей вингумах виэ жуалобноймбах.

— А сиэ олет хӱвä, куммакас! — саной тундематóй. — Совсем ребо! Ну, мидä-бä луаит, лäхтеммä миун ке. Войби олла, сиэ рубиэт пäдемäх мих-тахто.... Ну, фюйть!

Хän мачкай хуулил и луади Каштанкал käел знуакан, кудама войби означайя вай ӳхтä: „läхтеммä!" Каштанка läхти.

Эй энämбиä, куй пуолен чуасун перäс, хän ё истуй латтиэл суурес, валгиэс комнатас и, пайнаен пиän бокках, армахасти и любопытствап ке каччой тундематтомах, кудама истуй столан тагуа и мургинойччи. Тундематой сӧй и лӳкки Каштанкал палазиэ.... Энзимäй хän андой Каштанкал лейбиä и зеленäзен сыран куоруон, сен яльгех палазен лихуа, пуолен пийрайхутта, канан луулой, а хän нäллäс кай нämä сӧй муга равиэх, что эй эхтинӳт разбериэ магуо.

И мидä энämмäн хän сӧй, сидä энämмäл тунзи нäльгиä.

— Сиуда, нägӳӳ, пахойн сӳӧтетäх сиун изäннät! — саной тундематой, каччоен, мин мойзел суурел жадностил хän лайнойли пуреттелематтомат палат. — А мин мойне сиэ олет лайха! Нахка да луут...

Каштанка сӧй äйян, но кӳллäстӳӧ эй войнут, а вай хумалдуй сӳӧмизес. Мургинан яльгех хän вируттийхес кескел комнаттуа, ойенди яллат и, чувствуйен кого рунгас приятнойн вäзӳмизен, либерӧйтти хäннäл.

Сил айгуа, куни хänен уузи изäндä, вируен креслас, кури сигаруа, хän либерӧйтти хäннäл и решши вопроссуа: мис он паремби — тундематтоман луо вай столярин луо? Тундематтоман комнатан обстановка он кеӳхä и тухма: пайччи

креслой, дивануа, лампуа и ковриэ, хӑнел эй оле ни мидӑ, и комнатта озутахес тӳхьякси; а столярил кого квартира он тӑбӧтӑӳзи вещой: хӑнел он стола, верстакка, тукку стружкуа, струугуа, талтой, пилой, клиэтка чижик-линдузен ке, луахання... Тундематтоман фатиэрас ненӑх эй туле ни мил, а столярин фатиэрас айна сейзоу тумана, ӳлен ӑйял тулоу клейл, луакал и стружкил. Сен сиях тундематтомал он ӳкси ӳлен вуажной преи-

мушества: хän андау äйян сӳӳвä, и, пидäӳ андуа хänел полной справедливости, конза Каштанка истуй столан иэс и армахасти каччой хänех, изäндä ни кердуа эй искенӳт хändä, эй туйкутаннут яллойл и ни кердуа эй кирраннут: „Мäне иäрес, треклятой!"

Сигуаран куриттуо, уузи изäндä лäхти иäрес и минутан перäс тули яриллех, пидäен käзис пиэндä матрассуо.

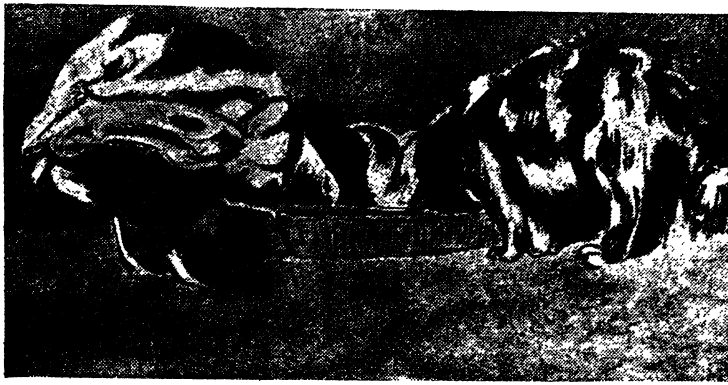
— Эй, сиэ, койра, туле тänне! — саной хän, паннен матрассузен чуппух диванан луо. — Виэре täх. Магуа.

Сен яльгех хän саммутти лампан и лäхти иäрес. Каштанка вируттих матрассузел и уммисти сильмät. Пихал пäй куулуй хаукунда, и хän тахтой вастата сих, но керрас вуоттаматта хänел овладейччи игävӳс.

Хän муйстутти Лука Александрычан, хänен пойян Федян, уютнойн кохтазен верстакан ал... Муйстутти хän, что питкинä талви илдойна, конза столяри струугай либо иänех луги газиэттуа, Федя обыкновенно кизай хänен ке... Федя веди хändä тага käбälис верстакан ал и луади хänен ке сен мойзиэ фокуссой, что хänел сильмис зеленӧйтти и кивисти кайкис нивелис. Федя заставляйччи хändä käвеллä тага käбälил, луади хänес келлуо, се он луях риухтайли хändä хänнäс, мин туаччи Каштанка хауккуй и вингуй, андели хänел нюустуа табаккуа... Особенно мучительной оли тäмäн мойне фокусса: Федя сидой нийттизех палазен лихуа и

андой Каштанкал, сен яльгех, конза хӓн лайнойли, Федя равиэн нагрон ке веди сен яриллех хӓнен вачас. И мидӓ яркойммат олдих муйстелемизет, сидӓ ковеммин и игӓвеммин вингуй Каштанка.

Но тервӓх вӓзӱндӓ и лӓммин ӱлитеттих игӓвӱӧн... Хӓн рубей уйнуомах. Хӓнен миэлес руветтих юоксенделемах койрат; юокси, тойзиэн вӓлис, и виллакас, ванха пудель, кудамуа хӓн тӓнӓ пӓйвӓнӓ нӓги пихал, калвон ке сильмӓс и вилла няухтилойн ке ненӓн луо. Федя талтан ке кӓес, хӱппӓй юоксемах пуделил яллес, сен яльгех керрас иче каттаудуй тӧрхистӓял виллал, весселӓх хаукахти и очутийхес Каштанкан луо. Каштанка и хӓн добродушно нюустелдих тойне тойзен нениэ и юостих пихал...



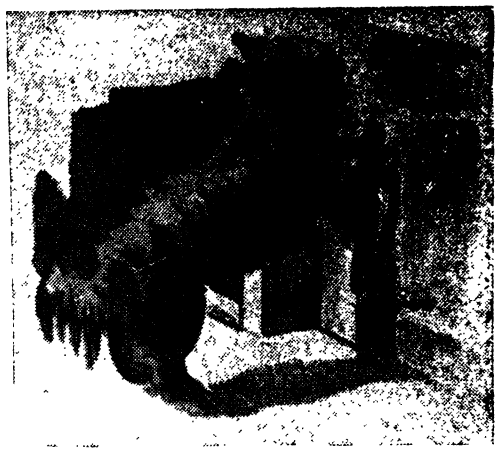
III

УУЗИ, ЎЛЕН ПРИЯТНОЙ ЗНАКОМСТВА

Конза Каштанка хаваччуй, оли ё валгиэ, и пихал пäй куулуй хäлў, миттўне олеттелоу вай пäйвäл. Комнатас эй оллут ни хенгиэ. Каштанка венўттийхес, хайкостих и, сууттунуона, пройялди комнаттуа мўöте. Хäн нюустели чупут и мебелин, качахти переднёйх и эй лöўдäнўт ни мидä интереснойда. Пайччи уста, кудама вей переднёйх, оли виэ ўкси укси. Дуумайттуо, Каштанка крабайтти сидä моллеммил кäбäлил, авай и мäни тойзех комнаттäх. Тäс кроватил, байковойл одьюалал каттаудунут магай заказчикка, кудамас хäн туннусти эглäзен тундеманоман.

— Рррр... — мурахти хäн, но, муйстуттахуо эглäзех мургинах нäх, рубей либерöйттäмäх хäннäл и нюустелемах.

Хän нюусталди тундематтоман соват и кенгät и лöўди, что не ўлен äйял туллах ненäх хебозел. Магавус комнатас вей кунне-лиэнöў виэ ўкси укси, тоже салватту. Каштанка крабахутти тäдä уста, ноявуй сидä васте рўндäхäл, авай и сил же кердуа чувствуйччи страннойн, ўлен подозрительнойн дуухун. Чувствуйен неприятнойн ваставуксен, буристен и туакси пäй качахтеллен, Каштанка мäни пиэнех лигахизиэн обоёйн ке олиях



комнаттах и варавос мўöстўй туакси пäй. Хän нäги мин-лиэнöў вуоттаматтоман и страшнойн. Пайнаен муада васте каглан и пиäн, хуароттаен сийвет и чихистен, кохти хänех астуй хармуа ханхи. Вäхäзен бокас хänес, матрассузел, вируй валгиэ кази; нäхтўö Каштанкан, хän хўппäй, киäнди селлäн вембелекси, ности хänнäн ўлäх, ности виллат пўстўх и тоже рубей чихиземäх. Койра пöллäстўй эй шуутках, но, тахтоен олла оман варавон озуттаматта, ковах рубей хауккумах и ўрäстих казих... Кази виэ энäммäл гурбисти селлäн, рубей чихиземäх и иски Каштанкуа кäбäлäл

пиадä васте. Каштанка хӳппäй туакси, истуудуй кайкил неллäл кäбäлäл и, ойендаен турбуа казих пäй, рубей ковал, вингуял иäнел хɛуккумах; сил айгуа тагуа пäй тули ханхи и кибиэсти клоккай хäндä нюокал сельгäх. Каштанка скочахти и ӳррäстих ханхех...

—Тämä ми ненгоне?—куулуй кова, сууттунут иäни, и комнаттах тули тундематой халатас и сигаран ке хамбахис.—Мидä тämä знуаччиу? Тилойллех!

Хäн мäни казин луо, иски няпсай хäндä гурви стеттуо сельгиä васте и саной:

— Федор Тимофеич, мидä тämä знуаччиу? Торан ноститта? Ах сиэ, ванха каналья! Виэре!

И, киäндӳен ханхен пуолех, хäн киргай:

— Иван Иваныч, тилойллех!

Кази покорно виэри омал матрассузел и уммисти сильмät. Суудиэн хänен турван и уссиэн выражениюа мӳö, хäн иче оли недовольной, что тускевуй и тартуй торах. Каштанка оби-

дитусти рубей вингумах, а ханхи венӳтти каглан и рубей пагиземах мих нӓх лиэнӧӳ равиэх, палавах и отчетливо, но тойзил эллендӓмӓттӧмиӓ.

— Ладно, ладно!—саной изӓндӓ, хайкостеллен. —Пидӓӳ элиӓ мирно и собух.—Хӓн силитӓльди Каштанкуа и яткой:—А сиэ, рыжик, элӓ варуа... Тӓмӓ он хӳвӓ публика, эй обийди. Вуота, а куй-ба мӳӧ сиуда рубиэмма куччумах? Ниметтӓх велли, эй суа.

Тундематой дуумайччи и саной:

— Вот мидӓ... сиэ рубиэт олемах — Тётка... Элленнӓт? Тётка!

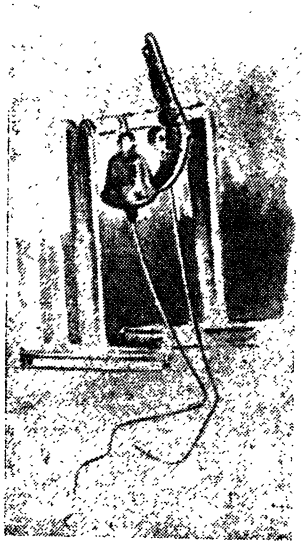
И, саноттуо эрӓхиэ кердой санан „Тётка", хӓн лӓхти иӓрес.

Каштанка истуудуй и рубей каччомах. Кази лийккуматта истуй матрассузел и луади нӓвӧн, что магуау. Ханхи, ведӓен каглуа иччех и тапутеллен ӳхтес кохтас, яткой пагиземиста мих нӓх лиэнӧӳ равиэх и палавах. Виксе, тӓмӓ оли ӳлен миэлевӓ ханхи; ёга питкӓн саноннан яльгех хӓн ёга кердуа удивлённо мӳӧстӳй туакси и луади нӓвӧн, что ихастелиудуу омал саноннал... Куунелтуо хӓндӓ и вастаттуо хӓнел „ррр...", Каштанка рубей нюустелемах чуппулой. Ӳхтес чупус сейзой пиккаране картане, кудамас хӓн нӓги кастеттуо хернехтӓ и ливоннузиэ руйслейвӓн куориэ. Хӓн опиттели хернехтӓ, — эуле магиэ, опиттели куориэ — и рубей сӳӧмӓх. Ханхи вовсе эй оттанут пахакси, что тундематой койра сӳӧӳ хӓнен сӳӧмизиэ, а, наоборот, рубей пагиземах виэ палавембах и, чтобы озуттуа ома доверия, иче тули картазен луо и сӧй вӓхӓзен хернехтӓ.

IV

ЧУУВОТ СИЭГЛАС

Вäхäн айян мäндӱӧ уувестах тули тундематой и ичен ке той миттӱӧн-лиэнӧӱ страннойн, пихаверäйн и П букван нäгӧзен вещан. Тäмäн пуухизен, пахойн луаитун П пойккипуух оли сивотту пистолетта и риппуй келло; келлон киэлес и пистолетан куркас рипуттих нуоразет.



Тундематой пани П-н кескел комнаттуа, кодван айгуа мидä-лиэнӧў сидели и кериттели, сен яльгех качахти ханхех и саной:

— Иван Иваныч, пожуалуйккуа!

Ханхи тули хänен луо и азеттуй вуоттаях положениях.

— Ну-с, — саной тундематой, — заводимма юури аллус. Энне кайккиэ, кумарду и луаи реверанса! Руттозех!

Иван Иваныч венӧтти каглан, кумарделих кайких пуолих и круабай кäбäлäл.

— Муга, молочча... Нӧгӧй куоле!

Ханхи виэри селлäллех и ности кäбäлät ӧлäх.

Луадихуо виэ вäхäзен тäмäн мойзиэ эй хӧвиэ фокуссой, тундематой керрас табай иччиэ пиäс, луади омал рожал ужасан и рубей киргумах:

— Караул! Пожуара! Паламма!

Иван Иваныч юокси

П-н луо, отти нюокках нуоран и рубей звонимах келлох.

Тундематой яй ӳлен довольнойкси. Хӓн силитти ханхен каглуа и саной:

— Молочча, Иван Иваныч! Нӳгӧй предстуави ичел, что сиэ олет ювелира и торгуйчет куллал и брилья-нтойл. Предстуави нӳгӧй, что сиэ тулет иччес луо магазинах и табуат сиэ вориэ. Куй-ба сиэ поступпизит тӓс случайс?

Ханхи отти нюокках тойзен нуоразен и веяльди, мис памахти юмизия аммунда. Каштанкуа ӳлен ӓйял миэлӳтти звону, а аммуннас хӓн тули сен мойзех ихастуксех, что рубей юоксенделемах П:н ӳмбӓри и рубей хауккумах.

— Тётка, тилойллех! — киргай хӓнел тундематой. — Вайкасту!

Иван Иванычан руадо эй лоппунут аммуннал. Когоназен чуасун сен яльгех тундематой аели хӓндӓ ӳмбӓри ичес юоксунуорал и плӓкӳтти плетил, а ханхел пиди хӳппиэ барьерас пиӓличчи и лӓби вандехес, носта пӳстӳх, тойзин санойн истуоксех хӓннӓл, и виухкуттуа кӓбӓлил. Каштанка эй отеллут сильмиэ Иван Иванычас, улвой ихастуксес и ӓйян кердуа рубейли юоксемах хӓнел яллес хелиэн хауку-нан ке. Вӓзӳттӓхӳӧ ханхен и ичен, тундематой пӳӳхки очал хиэн и киргай:

— Марья, кучус-вай тӓнне Хавронья Ивановнуа!

Минутан кулуттуо рубей куулумах рӧхкандӓ... Каштанка рубей буриземах, луади ӳлен рохкиэн

нäвӧн и кайккех случайх варойн тули лäхеммäкси тундематтоман луо. Аваудуй укси, комнаттах качахти мин мойне-лиэнӧў старуха и, санохуо мидä-лиэнӧў, ласки мустан, ӱлен тухман почин. Вниманиян обраттиматта Каштанкан буризендах, поччи ности ӱлäх оман пäтäчкäзен и весселäх рубей рӧхкämäх. Кайккиэ мӱӧте нäгӱй, что хäнел оли ӱлен приятно нäхтä омуа изäндиä, казиэ и Иван Иванычуа. Конза хäн тули казин луо и кебиэсти тӧӱккäй хäндä вачан алустах омал пäтäчкäл и сен яльгех мих нäх лиэнӧў рубей пагиземах ханхен ке, хäнен лийкунноис, иäнес и хäндäзен сäризеннäс нäгӱй äйя добродушиюа. Каштанка керрас элленди, что буриста и хауккуо ненгозих субъектойх он пользатой диэло.

Изäндä кабрасти П:н и киргай:

— Федор Тимофеич, пожалуйккуа!

Кази ноузи, лашкасти ойендих, и тахтоматта, куй одолжениюа луадиэн, мäни почин луо.

— Ну-с, заводимма египетскойс пирамидас, — заводи изäндä.

Хан кодван айгуа селлитти мидä-лиэнӧў, сен яльгех командуйччи: „ӱкси... какси... колме!“ Иван Иваныч „колме“ санан айгах виухкай сийвил и хӱппäй почил сельгäх... Конза хäн, балансируйен сийвил и каглал, азеттаудуй сугахизел селлäл, Федор Тимофеич найвäкӧсти и лайскасти, нäхтäвäн пренебрежениян ке и сен мойзен нäвӧн ке, куй будто хäн пахексиу и паноу грошан хиндайзекси оман искусствап, ноузи

почил сельгäх, сен яльгех тахтоматта ноузи ханхен пиäл и азеттуй тага кäбäлил. Лиэни се, мидä тундематой нимитти египетскойкси пирамидакси. Каштанка вингахти ихастуксес, но сил айгуа старикка-кази хайкости и, кавоттаен равновесиян, сордуй ханхес. Иван Изаныч хäйлäхти и тоже сордуй. Тундематой рингахти, рубей виухкуттамах кäзил и рубей туас мидä-лиэнöй объясняймах. Хäлистÿö ÿннäллизен чуасун пирамидан ке, вäзÿмäтöй изäндä рубей опастамах Иван Иванычуа раччахил аелемах казин пиäл, сен яльгех рубей опастамах казиэ куримах и с. с. Опастумине лоппуй сил, что тундематой пÿÿхки хиэн очал и лäхти иäрех, Федор Тимофеич брезгливо фыркни, виэри матрассузел и уммисти сильмät, Иван Иваныч лäхти картазен луо, а почин старуха вей иäрес.

Благодаря суурел ёукол уузиэ впечатлениёй Каштанкал пäйвä мäни нäгемäттä, а иллал хäн оман матрассузен ке оли суатетту ё лигазиэн обоёйн ке олиях комнаттазех и ÿöн магай Федор Ивановичан и ханхен обществас.

V

Таланта! Таланта!

Мäни куу.

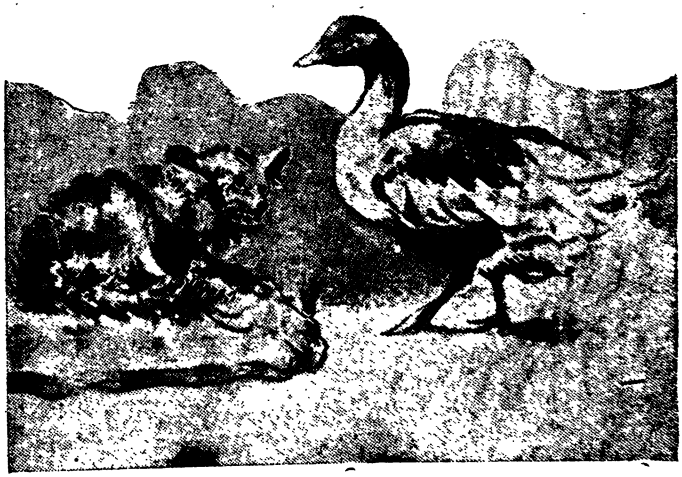
Каштанка ё харьявуй сийх, что хäндä ёга илдуа сӳтеттих магиэл мургинал и нимитеттих Тёткакси. Харьявуй хäн и тундематтомах, и омих уузих ӳхтес элäих.

Элос рубей маткуамах куй войда мӳӧте.

Кай пäйвäт заводиувуттих ӳхтен нӳттӳӧх. Обыкновенно энне кайккиэ хаваччуй Иван Иваныч и яргиэх же астуй Тёткан либо казин луо,

кичкисти каглан и заводи паиста мих-лиэнӧӱ нӓх равиэх и убедительно, но эндизеллех эллендӓмӓттӧмӓсти. Эрӓхӓл кердуа ханхи ности пиӓн ӱлӓх и пиди питкиэ монологой. Знакомстван энзи пӓйвинӓ Каштанка дуумайччи, что хӓн пагизоу ӓйян сентӓх, что он ӱлен миэлевӓ, но мӓни вӓхӓне айгуа, и хӓн кавотти ханхех кайкен уважениян; конза хӓн тули Каштанкан луо омиэн питкиэн пагинойн ке, Каштанка ё эй либерӧйттӓнӱт хӓннӓл, а третируйччи хӓндӓ, куй надоедливойда болтунуа, кудай эй анна ни кенел муате, и илмай церемониятта вастай хӓнел „ррр...”

Федор же Тимофеич оли тойста луадуо херра. Тӓмӓ, хаваччухуо магуамас, эй анданут ни минмойста иӓндӓ, эй лийккунут и даже эй авайллут сильмиэ. Хӓн миэлел эй олис хавачуннут, сен тӓх, куй нӓгуй, хӓн эй сувайннут элоста. Ни



ми хандä эй интересуйннут, кайккех относиудуй нäйвäкöсти и небрежно, кайккиэ хäн презирайччи и даже, сӳӳвес омуа магиэда веруо, брезгуйен фыркайччи.

Хаваччухуо, Каштанка заводи кäвеллä комнаттой мӳöте и нюустели чуппулой. Вай хäнел и казил позволяйттих кäвеллä кайккиэ квартируа мӳöте; ханхи эй имейннӳт правуа харпата лигахизиэн обоёйн ке олиян комнатан кӳннӳксес пиäличчи, а Хавронья Ивановна эли куслиэнöӳ дворал саруас и озуттаудуй вай опастумизен айгах. Изäндä хавачуксендели мӳöхä и, чуаюн юодуо, яргиэх оттийхес омих фокуссойх. Ёга пäйвиä комнаттах туодих П, плетти, ваннех, и ёга пäйвиä луаиттих почти ӳхтä и самуа. Опастунда кести чуасуо колме-неллä, муга что Федор Иваныч эрäхил керройл вäзӳмӳксес хäйлäхтелих, куй хумальниэкка, Иван Иваныч авайли нюоккуа и югиэсти хенгитти, а изäндä лиэни рускиэкси и ни куй эй войнут очас пӳӳхкиэ хигиэ.

Опастумине и мургина луаиттих пäйвät ӳлен интереснолойкси, а иллат мäндих игäвеммин. Обыкновенно иллойл изäндä аёй кунне-лиэнöӳ и веди ичен ке ханхен и казин. Йиäдӳö ӳксин, Тётка виэри матрассузел и заводи игäвöйяксех... Игäвӳс хийвой хäнен луо куй-оллоу замиэттиматта и овладевайччи хäнел вäхин-вäхäйзин, куй хäмäрä комнатал. Заводих сийд, что койрал хäвий кай химо хауккуо, сӳӳвä, юоксеннелла

комнаттой мӳӧте и даже каччуо; сен яльгех хӓнен миэлес йиӓвиӳвӳттих какси мин мойста-лиэнӧӳ хӓмӓриӓ фигуруа, се куй койрат, се куй ристиканзат, армахиэн, симпатичнолойн, но эллендӓмӓттӧмиэн рожиэн ке; хиӓн йиӓвиттӳхӳӧ Тётка либерӧйтти хӓннӓл, и хӓнел озуттийхес, что хӓн кус-лиэнӧӳ и конза-лиэнӧӳ хейдӓ нӓги и сувӓйччи... А уйнотес, хӓн ёга кердуа чувствуйччи, что нийс фигуройс пӓй тулоу клеял, стружкил и луакал.

Конза хӓн ё чийсто харьявуй уудех элоксех и лайхас, лууккахас дворняжкас мууттуй кӳллӓзекси, хӳвин качотукси койракси, керран опастумизен иэл изӓндӓ силитӓльди хӓндӓ и саной:

— Айга мейл, Тётка, он диэлол займиудуо. Ройхезе сиул ёуте истуо. Миэ тахтон сиус луадиэ артисткан... Сиэ тахтот олла артисткана?

И изӓндӓ рубей Каштанкуа опастамах кайкенмойзих науккойх. Энзимӓзел урокал хӓн опастуй сейзомах и кӓвелемӓх тагакӓбӓлил, ми хӓндӓ ӳлен ӓйял миэллӳтти. Тойзел урокал хӓнел пиди хӳппиэ тагакӓбӓлил и тавата суахари, кудамуа ӳлӓхӓн хӓнен пиӓн пиӓл пиди учителя. Сен яльгех тулиэлойл урокойл хӓн пляшши, юоксендели круугуа мӳӧте, улвой музыкан мугах, звони и амбуй, а куун перӓс ё успехан ке сай вайхтуа Федор Тимофеичан египетскойс пирамидас. Опастуй хӓн ӳлен миэлел и оли довольной омил успехойл; круугуа мӳӧте юоксенделемине ойеннетун киэ-

лен ке, вандехех хўппиämине и ванхан Федор Тимофеичан пиäл раччахис аелемине туодих хäнел суури наслаждения. Ёгахизен удайччевуннуон фокусан Каштанка сопровождайччи хелиэл, ихастукселлизел хаукуннал, а учителя удивляйччихес, тоже тули восторгах и хиэрой käзиэ.

Таланта! Таланта! — саной хän. — Сомневайччематой таланта! Сиэ положительно рубиэт имеймäх успехан!

И Тётка муга харьявуй санах „таланта“, что ёга кердуа, конза изäндä саной сен, хӳпäхти и качахтели ӳмбäри, куй будто се оли хänен нимена.

VI
БЕСПОКОЙНОЙ ЎӦ

Тётка нäги койриэн унен, будто куй хäндä яллес аяу дворникка метлан ке, и хäн хаваччуй варавос.

Комнатас оли кай хиллях, пимиэ и ўлен душно. Пуретелдих чонджойт. Тётка энне ни конза эй вараннут пимиэдä, но нўгöй минтäх-лиэнöў хäнел лиэни жутко и химойтти хауккуо. Той-зес комнатас равиэх хенгäхти изäндä, сен

яльгех, вäхäзен мäндӳӧ, омас сарайхуос рӧхкäхти поччи, и опять кай вайкастуй. Конза дуумайчет сӳӧмизех нäх, ка сӳдämес лиэнӧӳ кебиэмби, и Тётка рубей дуумайччемах сих нäхте, куй хäн тäнä пäйвäнä варрасти Федор Тимофеичал канан яллан и пейтти сен гостинойс шкуапан и сейнäн вälих, кус он äйя хämäхäкин веркуо и пӧлӳӧ. Эй мешайччис нӳгӧй мäннä и каччуо: он-го се сиэ вай эй? Ӳлен войби олла и се, что изäндä лӧӳди сен и сӧй. Но энне хуомнеста комнатас лäхтиэ эй суа — сен мойне он правила. Тётка уммисти сильмät, чтобы равиэмбах уйнота, сентäх куй хäн опытас тиэзи, что мидä териämбäх уйнуот, сидä териämбäх тулоу хуомнес. Но керрас эй лойттона хänес куулуй странной иäни, кудама застуави хändä сäрäхтämäх и хӳппиämäх кайкил неллäл käбäläл. Тämä киргай Иван Иваныч, и хänен иäни оли эй болтливой и убедительной, куй обыкновенно, а миттӳне-лиэнӧӳ дикой, пронзительной и неестественной, походия аваттавиэн воротойн руджизендах.

Ни мин нägемäттä пимиэс и эллендämäттä, Тётка чувствуйччи виэ сууремман варавон и бурахти:

— Рррр...

Мäни äйя айгуа, мин верда пидäӳ сийхе, чтобы грызиэ хӳвä луу; иändä эй куулунут. Тётка вäхин-вäхäзин успокойччихес и нуккувуй. Унис хäн нäги кахта суурда мустуа койруа пройдиян

вуувен виллатöппÿлöйн ке рейзил и бокил; хÿö жадностин ке сÿöдих суурес лоханкас лигавезиэ, кудамис ноузи валгиэ хöÿрÿ и ÿлен магиэ дууху; харвазех хÿö качахтелдих Тётках пäй, ирвистелдих хамбахиэ и буристих: „А сиул мÿö эммä анна!" Но талос пäй юокси мужикка туркилойс и плетил аёй хиät иäрес; силлой Тётка мäни лоханкан луо и рубей сÿömäх, но, куй вай мужикка мäни воротойн туакси, моллеммат мустат койрат äризеннäн ке хÿпäттих сих, и керрас уувестах куулуй пронзительной иäни:

— К-ге! К-ге-ге! — киргай Иван Иваныч.

Тётка хаваччуй, хÿппäй и, лäхтемäттä матрассузел, рубей улвондаллех хауккумах. Хäнел ё озуттих, что киргуу эй Иван Иваныч, а кен-

оллоу тойне, постороннёй. И поччи минтäх-лиэнöў уувестах рöхкäхти саруас.

Но вот куулуй туфлилойн шуршетус и комнаттах тули изäндä халатас и туохуксен ке. Пилькеттäя валгевус хўппи лигазиэ обоёйда мўö и лагиэ мўöте и аёй иäрес пимевўöн. Тётка нäги, что комнатас ни кедä постороннёйда эй оле. Иван Изаныч истуй латтиэл и эй муаннут. Сийвет хäнел олдих лезитетўт и нюокка аваттуна, и вообще хäнел оли сен мойне вийда, куй будто ўлен äйял вäзўй и тахтой юува. Ванха Федор Тимофеич тоже эй муаннут. Войби олла, что и хäн оли ностатетту кирруннал.

— Иван Иваныч, ми сиун ке? — кўзўй изäндä ханхел. — Мидä сиэ рäнгўт? Сиэ олет войматой?

Ханхи оли вайккани.

Изäндä коскетти хäндä каглас, силитäльди сельгиä и саной:

— Чудакка сиэ. И иче эт магуа, и тойзил эт анна муате.

Конза изäндä лäхти и отти ичен ке тулен, уувестах лиэни пимиэ. Тéткал оли страшно. Ханхи эй иäндäнўт, но Тéткал уувестах рубей чуудиудумах, что пимиэс сейзоу кен оллоу виэрас. Кайкис страшноймби оли се, что тäдä виэраста эй суанут пурта, сентäх ку хäн оли нäгўмäтöй и эй имейннўт формуа. И минтäх-лиэнöў хäн дуумайччи, что тäнä ўöнä пидäў непременно лиэтä мидäтахто ўлен пахуа. Федор Тимофеич тоже эй оллут

спокойной. Тётка куули, куй хän киäнделих омал матрассузел, хайкостелих и пуйстели пиäл.

Мис-лиэнöў пихал колкутеттих вороттойх и сарайхуос рöхкäхти поччи. Тётка вингуй, ойенди эзи кäбäлät и пани нийен пиäл пиäн. Воротойн туйккехес, минтäх-оллоу эй магуаян почин рöхкäннäс, пимевўöс и хиллўöс чуудийхес хänел мойне же ми-лиэнöў тускаллине и страшной, куй Иван Иванычан киррунnас. Кай оли беспокойствас и тревогас, но минтäх? Кен оли се виэрас, кудамуа эй нägўнўт? Вот Тёткан риннал лäймäхтеттих сильмäн липахтуксен айякси какси уннаккуо, зеленäйстä кўбенўттä. Тämä энзи кердуа кого знакомстван айяс тули хänен луо Федор Тимофеич. Мидä хänел пиди? Тётка нуолелди кäбäлиä и, кўзўмäттä, микси хän тули, рубей хиллязех и эри иänил улвомах.

— К-ге!— киргай Иван Иваныч.—К-ге-ге!

Уувестах аваудуй укси, и тули изäндä туохуксен ке. Ханхи истуй эндизес положенияс, аватун нюокан ке и левитеттўлöйн сийбиэн ке. Сильмät хänел олдих уммес.

— Иван Иваныч! — куччуй изäндä.

Ханхи эй лийкахтанут. Изäндä истуйхес хänен эдех латтиэл, минутан каччой хänех вайккани и саной:

— Иван Иваныч! Ми-бä тämä ненгоне? Куолет сиэ, вай мидä? Ах, нўгöй миэ ё муйстутин! — киргай хän и табай иччиэ пиäс. — Миэ тийян,

минтäх он тäмä! Тäмä он сентäх, что тäнä пäйвäнä сиун пиäл полги хебоне! Ох, боже мой, боже мой!

Тётка эй эллендäнут, мидä саноу изäндä, но хäнен рожуа мӳöте нäги, что и хäн вуоттау мидä-тахто ужаснойда. Хäн ойенди турван пимиэх иккунах пäй, кудамас, куй хäнел озуттих, каччой кен-лиэнöӳ виэрас, и хäн улвахти.

— Хäн куолоу, Тётка! — саной изäндä и пачкай käзил. — Да, да, куолоу! Тейл комнаттах тули сурма. Мидä мейл руадуа?

Бледной, встревоженной изäндä, хенгäстеллен и пиäдä нӳткӳтеллен, тули омах спальнях. Тёткал оли жутко йиäхä пимиэх, и хäн мäни изäннäл яллес. Изäндä истуйхес кроватил и äйян кердуа повтори:

— Боже мой, мидä-бä руадуа?

Тётка käвели хäнен яллойн луо и, эллендäмäттä, минтäх хäнел он тäмäн мойне туска и минтäх кай ненга беспокойяхес, и оппиэн эллендиä, следи ёга хäнен движениюа. Федор Тимофеич, харвах яттелия оман матрассузен, тоже тули изäннäн спальнях и рубей хиэромахес хäнен яллойн луо. Хäн пуйстели пиäл, куй будто тахтой пуйстуа сийдä югиэт дуумат, и подозрительно качахтели кроватин ал.

Изäндä отти блюдечкан, валой сийхе käзиастиэс веттä и уувестах läхти ханхен луо.

— Юо, Иван Иваныч! — саной хäн нежно, азеттаен хäнен эдех блюдечкан. — Юо, голубчик!

Но Иван Иваныч эй лийкахтанут и эй аваннут сильмиэ. Изäндä пайналди хäнен пиäн блюдечках пäй и касталди нюокан ведех, но ханхи эй юонут, виэ левиэммäльди левитти сийвет, и хäнен пиä муга и яй блюдечкал вирумах.

— Эй, ни мидä энämбиä ё эй суа луадиэ! — хенгäхти изäндä. — Кай он лоппиэтту. Пропади Иван Иваныч!

И хäнен рожуа мӱӧте алах валуттих лосният пизарехет, миттӱмäт оллах зай вихман айгуа иккунойс. Эллендäматтё, мис он диэло, Тётка и Федор Тимофеич личчауву тих хäндä васте и варавон ке качоттих ханхех.

— Вайване Иван Иваныч! — саной изäндä, югиэсти хенгäстеллен пахойс миэлис.

— А миэ-се мечтайчин, что кевиäл веян сиун дуачал и рубиэн сиун ке гуляймах вихандуа хейнäстä мӳӧте. Армас жийватта, хӳвä миун товарища, сиуда ё эй оле! Куй ба миэ сиутта нӳгӧй рубиэн олемах?

Тёткал озуттих, что и хänен ке случчиудуу, се сама, тойзин санойн, что и хän тоже вот ненга, тиэдämäттä минтäх салбуау сильмät, ойендау кäбäлät, ирвистäӳ суун, и кайкин хänех руветах каччомах ужасан ке. Нägӳй, что сен мойзет миэлет кäвелтих и Федор Тимофеичан пиäс. Энне ни конза ванха кази эй оллут ненга мрачной и нӳрпистӳнӳт, куй нӳгӧй.

Рубей валгуомах, и

комнатас ё эй оллут сидä нäгӳмäттӧмиä виэраста, кудама муга варайтти Тёткуа. Конза совсем вал гони, тули дворникка, отти ханхен кäбäлис и вей хäнен кунне-лиэнӧӳ. А вäхäзен вуоттахуо тули старуха и вей иäрех картазен.

Тётка лäхти гостиннойх и качахти шкуапан туакси: изäндä эй оле сӳӧнӳт канан ялгуа, се вируй омал сиял, пӧлӳс и хäмäхäкин верколойс. Но Тёткал оли аткала, пахамиэли, и химотти иткиэ. Хäн даже эй нюустанут ялгуа, а мäни диванан ал, истуйхес синне и рубей улвомах хилляккказел, хиэнозел иäнел:

— Ску-ску-ску...

VII

НЕУДАЧНОЙ ЭНЗИМÄНЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Ӱхтенä хӱвänä илдана изäндä тули лигахизиэн обоёйн ке олиях комнаттах, и, хиэроен кäзиэ, саной:

— Ну-с...

Мидä-лиэне хäн виэ тахтой сануо, но эй санонут и läхти иäрес. Тётка, урокойн айгуа хӱвин изучиннут хänен рожан и иänен, арбай, что изäндä оли взволнованной, озабоченной и, кажется, сууттунут. Вäхäзен вуоттахуо хäн тули яриллех и саной:

— Тänä пäйвänä миэ отан ичен ке Тёткан и Федор Тимофеичан. Египетскойс пирамидас сиэ, Тётка, тänä пäйвänä заменит куоллуон Иван Иванычан. Кехно тиэдäккäх мидä! Ни ми виэ эй оле валмис, эй оле опастетту, репетициёйда оли вäхä! Пуутумма хуйгиэх, провалимма!

Сен яльгех хäн туас läхти иäрес и минутан перäс тули турки пиäл и цилиндра пиäс. Тулдуо казин луо, хäн отти казин эзи кäбäлис,

ности и пейтти сен сизäлих туркин ал, но Федор Тимофеич озуттих ӱлен равнодушнойкси и даже эй труудиудунут авата сильмиэ. Хäнех нäх, нагӱй, оли решительно ӱхтен мойне: вируо го, вай олла яллойс ностеттуна, виэретеллäксех го матрассузел, вай олла спокойно изäннäн сизäлис туркин ал...

— Тётка, лäхтеммä, — саной изäндä.

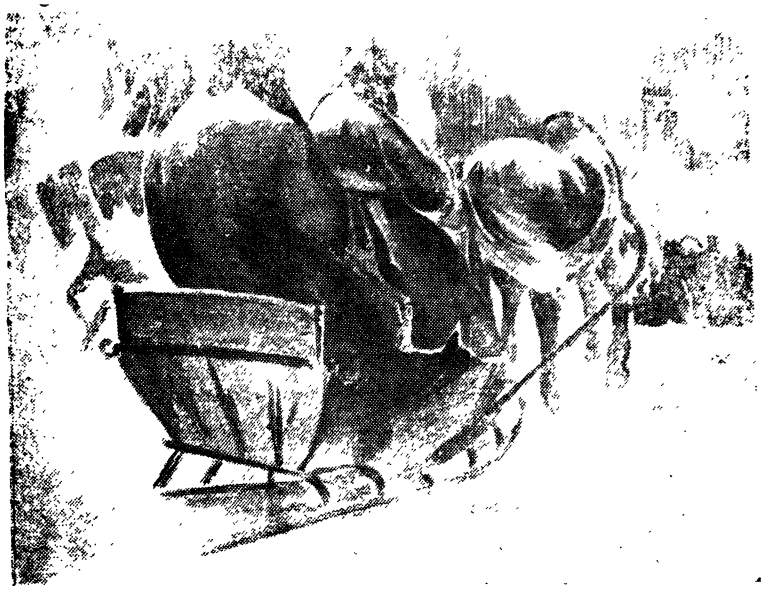
Ни мидä эй эллендäен и хäннäл либерӧйттäен, Тётка лäхти хäнен яллес.

Минутан перäс хäн ё истуй корьяс изäннäн яллойс и куундели, куй хäн, курчистелиудуен вилус и волнениясь, буризи:

— Пуутумма хуйгиэх! Провалимма!

Корья азеттуй суурен, страннойн, кумуаллех куатун супникках походиян талон луо. Тäмäн талон питкä подъезда колмен стёклахизен вериäн ке оли осветитту дюжинал ярколой фонарилой. Вериät звонун ке авауттих и, куй суут, лайнойлдих ристиканзой, кудамат хäлистих под'ездан луо. Рахваста оли äйя, пуаксух подъездан луо юостих и хебозет, но койриэ эй нагӱнӱт.

Изäндä отти Тёткан кäзих и сӱдäй хäнен сизäлих, туркин ал, кус оли Федор Тимофеич. Täс оли пимиэ и душно, но лäммин. Сильмäн липахтуксен айякси сӱтӱттих какси уннаккуо, зеленäйстä кӱбенуттä — тäмä кази, авай сильмät обеспокоенной сусиэдан вилулойл, ковил кä äлил. Тётка нуолелди хäнен корвуа и, тахтоен истуоксех куй войби удобнуомбах, беспокойно



лийкахтелих, пайной хänен иччех ал вилулойл кäбäлил и петтиэс виглай пиäн туркин ал пäй, но сейчас же вихазести мурахтих и чукелдих яриллех туркин ал. Хänел озуттих, что хäн нäги ӳлен суурен, пахойн осветитун комнатан, тäӳвен чудовищой; вäлисейниэн и решоткойн тагуа, кудамат олдих комнатан моллеммин пуолин, качоттих страшнойт турват: хебозиэн, сарвеккахат, питкäкорвазет и ӳкси миттӳне-лиэнӧӳ яриэ, суури турба хäннäн ке ненäн сиял и кахтен грызитӳн луун ке, кудамат тӧтӧтеттих суус пäй.

Кази käхиэсти рубей няугумах Тёткан кäбäлиэн ал, но сил айгуа турки аваудуй и изäндä саной

„хоп!", и Федор Тимофеич Тёткан ке хўпäттих латтиэл.

Хўö ё олдих пиэнес комнатас, кудамас олдих хармуат, лаудахизет сейнäт; täс, пайччи пиэндä столаста зеркалон ке, табуреткуа и рибулой, рипутеттулой чуппулой мўö, эй оллут ни митўттä тойста мебелиэ, а лампан либо туохуксен сиях палой вееран луадуне тулут, тартутетту трубках, искиэттўх сейнäх. Федор Тимофеич нуолелди оман туркин, кудаман мурчи Тётка, мäни табуреткан ал и виэри. Изäндä, айна виэ волнуйччиудуен и хиэроен käзиэ, рубей яксаудумах... Хäн яксойхес муга, куй обыкновенно яксойхес коис, валмистуен виэремäх байковойн одьюалан ал, тойзин санойн хейтти кай, пайччи алус собиэ, сен яльгех истуйхес табуреткал и, каччоен зеркалох, рубей луадимах ичел удивительнолой штуукиэ. Энне кайккиэ хäн пани пиäх парикан ягавуксен ке и кахтен сарвиэн мойзиэн, тукканяухтин ке, сен яльгех рожан войди мил-лиэнöў валгиэл и валгиэн круаскан пиäл рисуйччи виэ кулмат, усат и пани руменчуа. Хäнен затеят täл эй лоппевутту. Ревустахуо рожан и нискан, хäн рубей суориэмах миттўмäх-лиэнöў необыкновеннойх, ни мин сован ке эй походиях костюмах, мин мойста Тётка ни конза энне эй нäхнўт ни кодилойс, ни пихал. Предстуавиккуа тўö ичел ўлен левиэт панталонат, оммелтут сийтцас сууриэн цветойн ке, мин мойста мещансколойс кодилойс пиэтäх занавескойна и мебелин обивках

варойн, панталонат, кудамат сивотахес юури кайналолойс; ӱкси панталона он оммелду коричневойс сийтцас, тойне валгиэн-келдазес. Употтуо нийх, изäндä виэ пани пиäл ситцевойн кур-

точкан суурен хамбахиккахан воротникан ке и кулдайзен тиäхтен ке селлäс, кахта луадуо сукат и зеленäзет башмакат...

Тёткал кирьявуй сильмис и сӱдäмес. Валгиэ рожазес фигурас, походиях хуавох пахни изäннäл, иäни хäнел тоже оли туттава, хозяйской, но оли минуттой, конза Тёткуа вайваттих сомненият, и силлой хäн оли валмис юоксемах иäрес кирьявас фигурас пäй и рувета хауккумах. Уузи кохта, вееранлуадуйне тулут, дууху, изäннäн ке случчиудунут метаморфоза, — кайкен тäмäн периä родих хäнел неопределённой вараво и предчувствия, что хäн непременно ваставуу миттӱöн-тахто ужасан ке, вроде яриэдä турбуа хäннäн ке ненäн сиял. А тäс виэ кус-лиэнöӱ сейнäн тагана лойттона сойтти ненавистной музыка, и куулуй айёйттайн эллендäмäтöй улвонда. Ӱкси вай и успокаивайччи хäндä — тäмä Федор Тимофеичан невозмутимости. Хäн спокойно нуккуй табуреткан ал и эй аваннут сильмиэ даже силлой, конза табуретка леккуй.

Миттӱне-лиэнöӱ ристиканза фракас и валгиэс жилиэтас качахти комнаттах и саной:

— Сейчас он мисс Арабеллан лäхтö. Хäнен яльгех — тӱö.

Изäндä эй вастаннут ни мидä. Хäн веди столан ал пиэнен чемоданан, истуйхес и рубей вуоттамах. Хуулиэн и кäзиэн мугах оли заметно, что хäн волнуйччих и Тётка куули, куй сäризи хäнен хенгитӱс.

— Мистер Жорж, пожалуйккуа! — киргай кенлиэнёўў уксен тагана.

Изäндä ноузи и колме кердуа рисги сильмät, сен яльгех табуреткан ал отти казин и сўдäй сен чемоданах.

— Туле, Тётка! — саной хän хиллях.

Тётка, ни мидä эй эллендäен, тули хänен käзиэн луо; изäндä нёппай Тёткуа пиäх и пани Федор Тимофеичан риннал. Сен яльгех лиэни пимиэ... Тётка поллеттели казиэ, рийбой чемоданан сейниэ и варавос эй войнут андуа ни иäндä, а чемодана хäйлўй, куй алдолойл, и сäризи...

— А вот и миэ! — ковах киргай изäндä. — А вот и миэ!

Тётка чувствуйччи, что тäмäн киррунnан яльгех чемодана рäшкäхти мидä-лиэнёўў ковуа васте и хейтти хäйлўннäн. Куулуй кова сагиэ рёнгўндä: кедä васте лиэнёўў плäкўтеттих и тäмä кенлиэнёўў, наверно турба хänнäн ке ненäн сиял, рёнгўй и лохотти нагруа муга равиэх, что чемоданан луккузет сäристих. Ваставуксекси рёнгўндäх куулуй пронзительной, вингува изäннäн нагро, миттўзел хän коис ни конза эй награнут.

— Га! — киргай хän, старайен ўлиттиä рёнгўннäн. — Почтеннейшой публика! Миэ нўгёй васта олен вокзалас пäй! Миул тёллёй буабой и ятти миул наследствan! Чемоданас мидäоллоу ўлен югиэдä — наверно, кулдуа... Га-а!

А вдруг тäс он миллиона! Сейчас же мӳӧ авуамма и качомма...

Чемоданас шолкахти лукку. Ӳлен валгиэ тули иски Тётку сильмиэ васте; хäн хӳппäй иäрес чемоданас и, рӧнгӳннäл оглушенной, равиэх, кайкел нäбевӳӧл юоксендели ӳмбäри омас изäннäс и рубей хауккумах ковал хаукуннал.

— Га! — киргай изäндä. — Дядяйне Федор Тимофеич! Армас Тётушка! Армахат роднят, кехно ку тиät оттайс!

Хäн сордуй вачаллах пескул, тембай казин и Тёткан и рубей хейдä себäйлемäх. Тётка, сил айгуа куни изäндä ,хäндä педвай ӳскäс, тервäзех каччой сен миэрон, кудамах оза хäнен той, и, пораженной сен грандиозностил, удивлениях и хӳвäс миэлес минутакси кӳльмехтӳй, сен яльгех пиäзи изäннäн käзис и кайкес хӳвевӳӧс, куй юра, рубей пӳӧримäх ӳхтес кохтас. Уузи миэро оли суури и täӳзи яркойда тулда; кунне вай качахтат, кайккиэл, латтиэс лагех суа'х, нäвӳттих ӳхтет вай рожат, рожат, и мууда ни мидä.

— Тётушка, кӳзӳн тейдӓ истуудумах! — киргай изӓндӓ.

Муйстаен, мидӓ тӓмӓ знуаччиу, Тётка хӳппӓй стуулал и истуйхес. Хӓн качахти изӓндӓх. Хӓнен сильмӓт, куй айна, качоттих серьёзно и луаскавах, но рожа, особенно суу и хамбахат, олдих изуродуйтут левиэл лийккуматтомал мухелойтаннал. Иче хӓн нагрой лохотти, хӳппи, лекуттели олгупиӓлӧйл и луади нӓвӧн, что хӓнел он ӳлен вессел туханнен хенген присутствияс. Тётка уской хӓнен весселӳӧх, вдруг кайкел рунгал чувствуйччи, что хӓнех качотах нӓмӓ туханнет рожат, ности ӳлӓх оман ревон турван и весселӓх рубей улвомах.

— Тӳӧ, Тётушка, истувуккуа, — саной хӓнел изӓндӓ, — а мӳӧ дядян ке пляшиммӓ камаринскойда.

Федор Тимофеич вуотанда айгах, конза хӓндӓ застуавитах луадиэ глупостилой, сейзой и равнодушно каччели бокких. Пляшши хӓн нӓйвӓкӧсти, небрежно, нӳрпистӳнӳӧнӓ, и нӓгӳй хӓнен лийккумизиэ мӳӧте, хӓндиӓ мӳӧте, и усиэ мӳӧте, что хӓн сӳвӓх вихай и ёуккуо, и яркойда тулда, и изӓндиӓ, и иччиэдӓх... Пляшиттӳӧ оман порциян, хӓн хайкостих и истуйхес.

— Ну-с, Тётушка, — саной изӓндӓ, — энзимӓй мӳӧ тиан ке паятамма, а сен яльгех пляшиммӓ. Хӳвӓ?

Хӓн ности корманис торвен и рубей сойттамах. Тётка, эй сувайен музыккуа, беспокойно

лийкахтелих стуулал и рубей улвомах. Ёга пуолес куулуй рöнгӳндä и аплодисментат.

Изäндä кумардих и, конза кай хиллени, яткой сойтандуа... Ӳхтен коргиэн нотан исполнениян айгах кус-лиэнöӳ ӳлäхäн рахвахан кескес кенлиэнöӳ ковах ахкахти.

— Тата! — киргай лапсен иäни. А ведь тämä он Каштанка!

— Каштанка и он!— повтори хумалайне рämизия тенор-иäни. — Каштанка! Федюшка, тämä он, накажи юмала, Каштанка! Фюйть!

Галлереял кен-лиэнöӳ вихельди, и какси иäндä, ӳкси лапсен, тойне — мужикан, ковах кучуттих:

— Каштанка! Каштанка!

Тётка сäрäхти и качахтих синне, кунне кучуттих. Какси рожуа: ӳкси виллакас, хумалайне и мухелойттая, тойне пухлакко, рускиэ рожане и пöлläстӳннӳт, искиэттих хäнел сильмиэ васте, куй эннe лöй яркой тули...

Хäн муйстойтти, сордуй стуулал и окажиудуй пескул, сен яльгех хӳппäй и весселäн вингуннан ке ӳррäстих нämиэн кахтен хенген луо.

Юрäхти оглушительной улвонда, läби täӳтеттӳ вихеллӳксил и пронзительнойл лапсиэн кирруннал:

— Каштанка! Каштанка!

Тётка хӳппäй барьерас пиäличчи, сен яльгех кенен-лиэнöӳ олгупиäс пиäличчи, рубей риэхкиӳдӳмäх ложас; чтобы пиäстä тойзех риäдӳх, пиди хӳпätä коргиэс сейнäс пиäличчи; Тётка хӳппäй,

но хўпätä пиäличчи эй малтанут и рўўди сейниä мўö яриллех. Сен яльгех хäн сийрдўй кäзис кäзих, нуоли кенен-лиэнöў кäзиэ и рожиэ, сийрдўй айна ўлеммäкси и ўлеммäкси и, яльгимäй, пиäзи галёркал...

Пуолен чуасун мäндўö Каштанка ё астуй пихуа мўöте, клейл и луакал тулиёйн ихмизиэн яллес. Лука Александрыч хäйлäхтелих и инстиктивно, опастетту опытал, старайччих олла таембана кануавас.

— Риäхкäзес безднас виэреттелеммöс миэ махас миун... — бурбетти хäн. А сиэ, Каштанка, — недоумения. Ристиканзан риннал сиэ

олет ӳксикай, куй плотникка столярин ринналь.

Хӓнен риннал астуй Федюшка туатон картуза пиӓс. Каштанка каччой хейл моллеммил сельгих, и хӓнел озуттих, что хӓн ё кодван айгуа астуу хиӓн яллес и он хӳвӓл миэлел, что хӓнен элос эй каткейллут ни минутакси.

Муйстели хӓн комнаттуа лигахизиэн обоёйн ке, ханхиэ, Федор Тимофеичуа, магиэлой мургиной, опастумизен, циркан, но кай тӓмӓ нӳгӧй озуттийхес хӓнел, куй питкӓ, севоннут, югиэ уни...

Отв. ред. М. Смирнова Техн. ред. Николаев
Корректор Володина и Полисадова

Уполи. Главлита Карельской АССР № В—7 Заказ 2803
3 1/2 п/л., 2 авт./лист. Тир. 5000 Формат бум. 84×108 1/16
Сдано в набор 20/X-38 г. Подписано к печати 17/I-39 г.

Гос. тип. им. Анохина, Петрозаводск, Пушкинская, 7.

25-00

Цена 2 руб. 20 коп.
25-00

А. П. ЧЕХОВ: КАШТАНКА

(на карельском языке)

КАРЕЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОЗАВОДСК 1939 г.